

Понойские избы.

О. В. Плюснина

Часть первая.

Мы начинаем публиковать воспоминания бывших жителей старинного поморского села Поной¹ под условным названием «Понойские избы». По мере возможности мы приглашаем всех, делиться тем, что сохранилось в памяти и в душе, потому что многие до сих пор скучают по этому прекрасному, исчезнувшему с лица земли селу на Кольском полуострове.

1. Изба семьи Друженьковых-Коломойченко.

[Изба семьи Друженьковых-Коломойченко, или, как говорили в селе, “Друженьковский дом”, была построена в 30-х годах XX века Иваном Андреевичем Друженьковым и его братом Игнатием. В Друженьковском доме жили хозяин, Иван Андреевич, его жена Марфа Степановна (в девичестве Кузнецова, уроженка села Пялица), дочери: Ольга, 1928 г.р., Лидия, 1931 г.р., Нина, 1936 г.р. В 1937 г. Иван Андреевич был репрессирован по т.н. «саамскому делу»², сослан в Котлас и в начале 40-х годов умер под Архангельском в Талагах. Сестра, Александра Андреевна, была замужем за Долгих Павлом Ивановичем, и во время войны семья Долгих тоже жила в этом доме (также их сыновья Леонид, Виктор, дочь Людмила. В 1944 году родился ещё один сын – Николай Долгих)].

Итак, мысленно зайдём в первую избу и послушаем живую речь её хозяйки...

О. И. Коломойченко. О том, что помню.

(Литературная запись Плюсниной О. В. Особенности живой речи автора сохранены).

Село Поной, современный вид.

[<http://www.varvar.ru/kola/ponoy-selo/index.html>]

Глава 1

[В старом бабушкином доме]³.

[Жили] «... дядя Игнатий, Александра, Павла, бабушка. Комната така одна была больша, печка русская большая была, занавеской тамот-ко отгорожена. Я всегда с бабушкой была, первая внучка. Дом стоял на угоре, на сухом месте, очень хорошее место, вид на реку⁴. Бабушка вставала рано, я всегда с бабушкой вставала. Все ещё спят, бабушка чай греет, и, какая бы погода ни была, бежит свежую воду брать. Говорит: «Эта вода, когда наношена, это гадкая вода, надо свежей воды принести». Бежит, свежей воды принесёт, налила самовар, согрела, и мы садимся с ней. Вот ещё помню хлеб – такие большие хлебы печёные, круглые; отрезает верхушку, посолит, – солоночку даже сейчас помню. И сахар был головами, – пирамида в синей бумаге. Эту пирамиду берут, ножиком раскалывают, а потом щипчиками. И вот она мелко-мелко нащиплет, себе кучку положит, мне кучку, отрежет горбушечку, посолит, подаст мне, – “Олюшка, ешь, большая вырастешь”. Ну, Олюшка большая не выросла (*смеется*). И вот мы с ней сидим, чаёвничаем, пока все ещё спят. Ещё очень рано, пойдут на работу взрослые тоже рано. Мы с бабушкой отчаёвничаем, потом уже все.

Тут люлька висела, все качались в этой люльке. Все уйдут на работу, остаёмся с бабушкой. И вот бабушка печку топит, варит, жарит, обрягается, люлька качается, она люльку раскачает, песни поёт: «баю-баюшки, люли-люли», сама уйдет и в кладовку, и везде, и всё поёт, а люлька всё качается... Люлька висела на деревянной балке, назывался оцеп. В люльке этой была моя сестра, потом Леонид был. Кто родился новый, тот и был в люльке. А я самая старшая. Нина уже родилась в новом доме, и Зина.

И вот такое детство было, всё время с бабушкой. Бабушка хорошая у нас была, всегда улыбочивая такая, ласковая. Умерла она в сорок девятом году. Эля родилась, она и умерла⁵.

[В новом доме].

В 1934 году, когда Зина родилась, мы перешли в новый дом. Отец до чего трудолюбивый был! Сидел на тоне, – на Кузьминке, на Красном⁶, и все лес заготавливал, много лет. На вёслах это всё, на карбасах. Едет, везёт-везёт, вода-то уйдёт, уже до Лопского доведёт, оставляет плот, идёт домой пешком. И до следующей воды. Сколько лет он это собирал, бревнышко по бревнышку. Это ж надо привезти, с берега выкатать. Шура Харлин говорил: “У Ивана Андреевича кровяные мозоли были на плечах и на спине”.

Вот этот лес собирали и стали дом строить. Дядя Игнатий тогда работал в исполкоме, помог нанять плотников, чтобы дом поставили и крышу закрыли, а все внутренние работы сам делал, своими руками. Он сидел на тоне берёзовые коксы делал. Пол весь на коксах собирали – ни скобы, ни гвоздя. Тогда Сергей⁷ ездил, пол-то когда на кухне упал, разбирали, так говорит, невозможно разобрать, крепко сделано.

Вот поставили дом, а ведь кирпича нигде не купишь. Каждый кирпич делали вручную, из глины и песка. Своих кирпичей, на целую печку, – это сколько же надо было наделать.

Семья-то большая была, тесно стало; перешли в новый дом. А осенью уже третий ребенок был на носу. В 34-м году осенью перешли в новый дом, а в 38-м, в марте месяце отца забрали, – репрессировали. Мне и 10 лет ещё не было. Отец работал в то время в колхозе, приехал домой на воскресенье. Мама ужин приготовила, самовар поставила, сходила, подоила корову, обрядилась. И тут приходит милиционер Назаров. Так обычно курьера присылали, а тут выходной день и курьера не было. Приходит Назаров и говорит: “Иван Андреевич, Вас в сельсовет вызывают”, Отец подумал – наверное, ехать куда-то попросят, кого-то привезти. Тогда на оленях людей возили, пассажиров до Гремихи. “Ну ладно, пока самовар греется, дойду до сельсовета, узнаю”. Ушёл – и всё. Он же только из тундры приехал, голодный, холодный. Даже домой не отпустили покушать или переодеться. К нам приходят и говорят: “Несите одежду, малицы, что там ещё...”. Что случилось? Мы с мамой пошли, а там мужиков пол-Сосновки навезли, везде сидят...

Отец говорит, – “Вы не расстраивайтесь, мне сказали, что меня свидетелем вызывают, по какому-то делу, я ничего не знаю. Сказали, – съездите и обратно приедете”. Так и не отпустили с семьёй проститься. Только у него и было, что с собой собрали.

Пришли к бабушке, бабушка на печке лежит, заплакала, пошла с нами опять. Ходили. Пока их отправляли, собирали одежду, еду. Рёв, шум, ужас что было. Ночью всех увезли.

Финская война началась, – нас стали всех выселять, как врагов народа. Мать, трое детей, – мне было 10, Лиде – 7, Нине – 1,5 годика. Пришло распоряжение, чтобы такого-то числа были вывезены из села. Оленей ещё нету, олени, как обычно, в стаде, а тут рабочие только олени. Но вывозить надо, т.к. в распоряжении: «чтобы в селе их уже не было» на это число.

И вот вывезли всех на гору, ждать, пока олени из стада придут. Вывезли семьи: нас, Марью, Пелагею Андреевну, Матрену Яковлевну и Грушу Филиппову, Васи Филиппова мать, – ребенок грудной дома остался. А морозы-то в финскую войну были за 40 градусов. И вот девки у нас были в перину закутаны, во что попадая, сидели в санях. И всю-то ночь на открытой тундре. Дом рядом, огонь внизу горит, а люди с детьми наверху в тундре.

А дальше повезли на Терский берег, когда через сутки олени пришли. Повезли в Пялицу. Тут у нас запретная зона была, воинские части.

Финская война быстро кончилась, разрешили обратно приехать. Приехали, опять жить стали. Я успела до этой войны, – пошла рано в школу. Тогда брали не с 7, а с 9 лет. Мои подружки – Нина Матрехина, Лида Матрехина, Настя Коробовская, – они-то все старше меня на год, на полтора. Они-то учатся, а меня не берут. И говорят, – ой, как хорошо, как интересно учиться. Мне в школу хочется, договорились с подружкой, я утром в школу и убежала, никто из родителей не знает.

Пришла, и, как сейчас помню, Галина Ивановна, пожилая учительница была. Я пришла, села в классе, и она приходит. А я уже считать умела, буквы все знала, только писать не умела. Дядя Игнатий, царство ему небесное, раньше в райисполкоме работал, придёт на обед, пообедаёт, отдыхает, и меня всё учил. Так любил меня, я первая внучка была.

Уже полгода прошло, все уже крючки и палочки прописали, и уже писали букву «М». Галина Ивановна дала мне тетрадку. А тогда были большие строчки, в косую крупную линейку. И сказала: «Пиши букву М». Я писать не умела, у меня в одну строчку, помню, только две буквы влезло. Потом стала спрашивать, я прочитала, складывать уже умела. Приняли, стала ходить.

Ходила в школу, а девчонки, которые мои ровесницы, катаются, – Сонька Матрехина, да Санька Совкина, катаются между маминной и Капиной избой. Горушка водой залита, катаются на шкурах, и вот говорят: «Ой ты, глупая, в школу ходишь, а мы так хорошо тут катаемся». Мне тоже захотелось, я говорю: «ну всё, ладно, больше не пойду в школу». И катаемся с девчонками, и тут вечером Галина Ивановна идет: «Ты почему, Оля, в школу не пришла?» «Я не хочу больше». «Пойдем, пойдём домой, родители дома?». Пришли, она поговорила с родителями, – пусть в школу ходит, она так хорошо всё понимает, уже много знает, ей надо учиться.

Поговорили, уговорили, я опять пошла. Мать мне сшила сумку – бордовый ситец в чёрную клеточку, с ляжкой. Я маленькая, сумка большая. Купили букварь, задачник, пенал. Я бегу, пенал у меня в сумке – хлоп-хлоп, бряк-бряк.

Отец там, где сети вяжут, вбил гвоздик, посадил на него какую-то красивую медную штучку и говорит: «вот, будешь здесь, Оля, свою сумку вешать». Я до войны кончила уже шесть классов, ещё тринадцати лет мне не было.

Война началась 22 июня, 6 июля нас опять давай выселять, врагов народа. Нас повезли, четыре семьи – Мария, за Иваном Мошниковым замужем была, Совкины – бабушка их, Зина, Валя, Настя, семья Горбунцовых и мы. В какой-то лавке остановились, взяли хлеба на дорогу. И вот до чего же мудрые были родители, – мать прошла всю эту жизнь, с детства тоже без отца, без мужа, – и вот у нас был сундук, красивый такой, привезённый с Архангельска, так вот не богатства в сундук положила, а топор, молоток, гвозди, пилку, веревки, – говорит: «может, в лес куда завезут, а надо в первую очередь дрова достать», самовар, чугуны, горшки, – вот такое богатство везли. Ещё была корзина большая с крышкой, там всё бельё, одежда.

Погрузили нас в трюмы, трюмы закрыли. Снаружи слышно – только гром стоит,

Ольга Ивановна в 1950 года

– бомбят. Ехали, ехали. Ну вот, до Архангельска живые доехали. В Архангельске никто нам ничего не даёт, никто не оформляет, документов никаких, народу полно – и эвакуированные, и у нас с первого дня голод всё. В Архангельске мы были на квартире – Наталья и Нина, врачи. Куковеровы, понойские они были. Всех нас приютили у себя. Потом посадили нас на пароход и трое суток везли по Двине вверх до Котласа. От Котласа – в Сольвычегодск. Привезли, поселили в заброшенный дом, из которого люди выехали. Утром мать на работу, мы дома. Магазинов никаких, я старшая, всё на мне. Детей надо накормить, надо было как-то приспособливаться...».

Продолжение следует...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. [сайт varvar.ru – Новое краеведение] <http://www.varvar.ru/kola/ponoy-selo/index.html>
2. [сайт Жертвы политического террора в СССР] **Друженков Иван Андреевич**. Родился в 1901 г., Мурманская обл., Саамский (Ловозерский) р-н, с. Поной; саам; Колхоз “Север”, рыбак-колхозник. Проживал: Мурманская обл., Ловозерский р-н, с. Поной. Арестован 18 марта 1938 г. Приговорён: особая тройка при УНКВД по Ленинградской обл. 15 октября 1938 г., обвинён: ст. 19-58-2-10-11 УК. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4 июля 1957 г. Военным трибуналом Северного военного округа. <http://lists.memo.ru/index.htm>
3. Дом Лукерьи Филипповны Друженьковой (в девичестве - Котлова).
4. Первый Друженьковский дом был разобран на дрова в послевоенные годы.
5. Л. Ф. Котлова похоронена на кладбище села Поной.
6. Тоня – рыболовный участок. Упоминаются тоня Кузьмин и тоня на Красном Носе.
7. С. Р. Аксиненко – зять О. И. Коломойченко.